

Степанова Татьяна Леонидовна
ст. преподаватель кафедры истории
и социальных наук

Минский государственный лингвистический
университет
Минск, Беларусь
t.l.stepanova@gmail.com

АПОЛОГИЯ ГЕДОНИЗМА КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА ОБЩЕСТВА ПОСТМОДЕРНА

В статье ставится цель показать, что гедонизм как смысложизненное основание общества потребления является логическим завершением этапа европейской истории, начатого в XIV веке. Автор показывает, что логика развития этого процесса лежит не только в плоскости экономического и политического планов, что может быть исправлено трансформациями общества именно в этих направлениях, но является логическим завершением социодинамики западной культуры. Это было показано П. Сорокиным, предсказавшим кризис всех основ западной культуры, которая, перейдя в стадию чувственной культуры, логически отрицает самое себя.

К л ю ч е в ы е с л о в а: кризис системный; социодинамика; гедонизм; культура идеациональная; культура идеалистическая; культура чувственная; цивилизация.

Томительное ожидание катастрофы, сопровождавшее человечество в конце прошлого тысячелетия, объясняется довольно просто – с одной стороны, это проявление опасения магии чисел, а с другой – конец истории как завершение эпохи революций и потрясений, провозглашенный Ф. Фукуямой [1], не случился. Более того, окончание холодной войны привело к горячим войнам в Европе. Поэтому мистические ожидания конца XX в., когда интерес к различного рода предсказаниям, характерный для отдельных людей, превратился в общесоциальное явление, катрены Нострадамуса становились бестселлерами, обсуждались в самых серьезных аудиториях. Несомненно, что сама дата миллениума здесь не играет особенной роли, она была лишь поводом, просто общество ощущало приближение кризиса, но было не в состоянии ничего сделать, чтобы не только избежать, но хотя бы его минимизировать или отсрочить. И ожидания не обманули. 11 сентября повергло мир в шок. Финансовый кризис 2008 г. – в плохо скрываемое отчаяние. Середина 10-х гг. XXI в. порождает взаимоисключающие ожидания как того, что все благополучно заканчивается, так и того, что настоящий кризис уже на пороге. Кризис банковской системы марта 2023 г. очевидно свидетельствует в пользу второго. Но чтобы выйти из кризиса, необходимо понять его причины.

Философия XIX в. видела мир линейным – причина достаточно жестко определяла следствие, а следствие всегда имело причину, необходимо было только ее отыскать. Но уже в середине этого века позиции социального детерминизма были поколеблены. В XX же веке линейная зависимость общественных явлений и вовсе была подвергнута сомнению. Попытки объяснения

жизни социума были сделаны с позиций синергетики. В синергетическом аспекте причины современного глобального кризиса можно увидеть в нелинейности развития современного общества. Это создает множественные точки бифуркаций, порожденные интерференцией многих социокультурных процессов, приближающихся к границе самоистребления, а также в процессах, порождаемых самоорганизацией информационного общества, приведших к гибели многих параметров привычного порядка, ростом объема информации и коммуникативных связей, доходящих до режима обострения, что влечет за собой фрагментарное, клиповое восприятие действительности. Кризис самоидентификации не только личности, но и социальных групп приводит к напряженности во взаимодействиях государств, наций, конфессий, отношений человека и природы, противоречий между гуманитарной и естественнонаучной культурой. Элита глобального общества, осознанно или нет преследующая собственные интересы, все более углубляла этот кризис. Постмодерн вполне философски объясняет бессмысленность человеческой жизни, если иметь в виду тот смысл, который понимался обществом модерна как служение, предполагающее постановку цели в жизни и ее достижение, а также следование общественному идеалу. Главное, чему должен следовать человек постмодерна, – это поиску новых впечатлений, ощущений, удовольствий. Объект служения для него – он сам. Строго говоря, смысл жизни в рамках философии постмодернизма не отрицается. За отрицанием смысла скрывается давно известный гедонизм, но благодаря развитию постиндустриальных технологий предлагающий такое бесконечное количество различных опытов и совершенно невообразимых ранее качеств ощущений, что современный индивид потерялся в самоидентификации себя не только как личности, но просто как родового существа – мужчины, женщины, да и просто человека.

Это все лишь описание симптомов болезни, но не ее этиология.

Диагноз же кризиса, развернувшегося в конце XX в., был поставлен еще в первой четверти века Питиримом Сорокиным: «... все важнейшие аспекты жизни, уклада и культуры западного общества переживают серьезнейший кризис... Больны плоть и дух западного общества, и едва ли на его теле найдется хотя бы одно здоровое место или нормально функционирующая здоровая ткань... свет медленно угасает, и в сгущающейся тьме нам все труднее различать это величие (уходящей эпохи) и искать надежные ориентиры в наступающих сумерках. Ночь этой эпохи начинает опускаться на нас с ее кошмарами, пугающими тенями, душераздирающими ужасами» [2, с. 427].

П. Сорокин пытается определить причину того, что приведет к этому печальному результату. Он справедливо замечает, что в роли Кассандры и до него выступали многие. Мыслитель насчитывает три диагноза грозящей катастрофы. Первый сводится к попытке связать все с противостоянием различных социально-политических систем и самый кризис видит как продолжение

и обострение проблем политических и экономических. Наиболее простодушные сводят все к противостоянию личностей – хороших и плохих. Средством решения проблемы им видится изменение каким-либо образом политических условий в некотором регионе, а в некоторых случаях – уничтожение зловредной личности. Сорокин писал это в середине прошлого века. Надо заметить, что простодушные умы, поставившие этот диагноз, с тех пор не повзрослели. Уничтожение «зловредных» Саддама Хусейна и Муаммара Каддафи из предполагаемого регионального кризиса создали реальный межрегиональный.

Второй диагноз поставили пессимистически настроенные философы во главе с Освальдом Шпенглером [3]. Их точка зрения сводится к тому, что всякая культура смертна. Достигнув зрелости, она с неизбежностью начинает стареть, и как итог этому – умирает. Точка наивысшего расцвета западными обществами уже пройдена и ее ожидает одно – закат. Как в отношении человека и любого другого живого существа не существует панацеи от смерти, так нет панацеи и от гибели культуры.

Ни один из предложенных диагнозов Сорокин не приемлет. Его диагноз состоит в том, что это – системный кризис. Он не сводится только к политическому и экономическому, это кризис всех общественных основ – науки, искусства, религии, права, морали. Этот кризис по сути есть ничто иное, как распад основополагающих форм культуры западного общества.

Философия истории дала много интересных взглядов на периодизацию истории и культуры. П. Сорокин внес свой вклад, и, в отличие от многих, его взгляд был действительно новым взглядом на проблему.

По мнению Сорокина всякая культура есть логическая смена этапов своего существования. Он выделяет три этапа существования любой культуры – *идеациональный*, *идеалистический* и *чувственный*. Отметим, что это справедливо для любой культуры, хотя П. Сорокин рассматривает эти этапы, называемые им просто культурами, на примере западного общества. Для *идеациональной* культуры характерна ориентация на сверхчувственный мир. Главной ценностью такой культуры является Бог. И во всех своих взаимосвязанных компонентах она выражает именно эту идею – Верую. Архитектура, скульптура, музыка, философия – все подчинено религии. Ценности простого человеческого существования являются ценностями именно тогда, когда их можно рассматривать как этап перехода к инобытию, т.е. смерти, и поэтому их крайне немного. То же, что простое человеческое существо может ценить – сытость и удобство – рассматривалась как антиценность, и стремление к ней полагалось греховным. Заметим, что большинство людей все же сытость предпочитают голоду, а комфорт – неудобству. Но люди Средневековья (по западной периодизации это скорее можно определить как Темные Века) хоть и не считали это откровенным грехом, но все же не находили нужным фокусировать свое внимание на этих сторонах бытия, если они были реше-

ны в самой минимальной степени. Как уже было отмечено, это справедливо для всех культур. И если в отношении культур, в которых религия является центральной, осевой формой, это не вызывает ни сомнения, ни удивления, то интересно, что этот период имеет место и в культурах изначально атеистических. Если мы рассмотрим советскую культуру, то и в ней отчетливо проявляется этот идеациональный этап. По сути, первые годы советской власти при очевидной невозможности реализовать мечту в ближайшем обозримом времени истинной ценностью рассматривалось будущее (как сказал один из героев М. Горького: «Наши дети будут лучше нас и жить они будут лучше»). Поэтому неудобства, тяготы, лишения – это нормальное существование, потому что главное – впереди.

Закат западной средневековой культуры означал завершение этапа культуры идеациональной. В конце XII в. (обычно окончание Темных веков связывают с именем Франциска Ассизского) в сознании людей появился зародыш совершенно нового принципа – объективная реальность и ее смысл чувственны [2, с. 430]. Если идеациональная культура единственной истинной реальностью полагала сверхчувственный мир (для Августина Блаженного истинный Град – это Град Божий), то схоластика уже позволила спор между номиналистами и реалистами, и, повернувшись к Аристотелю, признала паритет между материальным и идеальным. Но идеальное, божественное еще рассматриваются как настоящие, истинные ценности, однако эта была скорее дань уходящей идеациональной культуре. Философия постепенно сбрасывает гнет религии, и все эти переплетения старого и нового создают совершенно удивительный мир новой культуры – и д е а л и с т и ч е с к о й. Если провести параллель между западной и советской культурой, то можно заметить, что и в ней этот этап был представлен. Когда после победы в Великой Отечественной войне страна постепенно поднялась из разрухи, и прекрасное завтра если еще и не наступило, то уже заалела его заря, именно сегодняшний день стал рассматриваться как истинная реальность, жить уже хотели не только для потомков, но и для себя. То, что в советской истории называется «оттепелью», было проявлением идеалистического этапа в развитии этой культуры. Шестидесятники не отрицали устоев, они стремились к «социализму с человеческим лицом», а по сути, им хотелось, чтобы с ними расплатились за лишения. Они были не против того, чтобы уехать в дальние степи или уйти на разведку в тайгу, но надеялись возвратиться оттуда в комфортный дом и однажды остаться в нем навсегда.

Однако ч у в с т в е н н а я культура, пробив брешь в культуре идеациональной, не завершила на этом процесс своего развития. Идеациональная культура продолжала приходить в упадок. Философия окончательно отпочковалась от теологии, смело вводя в свой лексикон понятия *природа, материя,*

оставляя Бога лишь там, где при помощи лишь категорий чисто философских объяснить мир не удавалось, и отводила ему лишь роль первотолчка. Если пантеизм еще довольно робко связывает природу и Бога, то Спиноза смело определяет ее как причину самой себя. В более доступных формах культуры (в частности, в искусстве) онтологические проблемы философии сводятся к пониманию того, что объективная реальность и ее смысл чувственны. Начиная с XVI в. в Европе воцарилась культура чувственная, эмпирическая, светская, принципы которой проявляются во всех ее сферах, и в конечном счете – в образе жизни и умонастроениях людей. То есть этапы развития культуры представляют собой смену смыслов и принципов – основной принцип средневековой культуры, ее главный смысл был потусторонним и религиозным, и вся культура была пронизана этой идеей. Идеалистическая культура совмещала смысл религиозный и сверхчувственный со светским и посюсторонним. Принцип же современной культуры – светский и утилитарный. К XX в. чувственная культура раскрыла все свои потенциальные возможности и все оказалось совсем не так прекрасно, как на то надеялись. Человек, сформированный этой культурой, оказался далеко не таким гармоничным и совершенным, каким он казался сам себе на заре этой культуры. Псевдорелигия, утилитарная мораль, в которой абсолютные моральные ценности расплываются, и понятия добра и зла превращаются в относительные, что по сути своей стирает между ними грань, породили индивида, для которого служение неким высоким смыслам является абсолютной бессмыслицей, он не питает никакого уважения к своим обязанностям, но высоко ценит свои права. Поиск чувственных удовольствий становится краеугольным камнем его существования. Но что может вести и контролировать поведение такого человека по отношению к другим людям? Только его желания и вожделения. И в этом стремлении к наслаждениям они теряют всякий, не только моральный, контроль, который без веры в Бога не существует – ведь когда Бога нет, то все позволено. Человек теряет то, чем чувственная культура модерна от века гордилась – здравый смысл. И что же тогда может удерживать его от нарушения прав Другого, ставшего его конкурентом в борьбе за удовольствия? Как далеко сможет он зайти в нарушении этих прав? Он зайдет настолько далеко, насколько ему это позволит Другой. То есть в обществе развитой чувственной культуры главными законами являются законы физической механики – сила действия равна силе противодействия. Справедливость заменяется силой. Победитель всегда прав. Это общество программирует конфликты, и количество этих конфликтов неуклонно умножается. Но постиндустриальное западное общество – сообщество законопослушных людей. Поэтому большая его часть боится конфликтов, поэтому этот Другой, борьба с которым опасна неизвестным окончанием, да и просто отвлекает от себя, переносится в себя. Другой – это сам человек как некоторый идеал, это то предназначение, которое он подозревает в себе.

«Еще одним следствием переходных периодов является рост душевных болезней и самоубийств. В перерезавшей чувственной культуре общественной жизнь становится такой сложной, борьба за чувственное счастье – такой острой, потребность в удовольствии настолько нарушает ментальное и моральное равновесие, что разум и нервная система множества людей не могут выдержать огромного напряжения, которому они подвергаются; поэтому они становятся склонными к извращениям или даже ломке личности. Будучи лишены общепринятых норм и ценностей – научных или философских, религиозных или моральных, или ценностей какого-либо другого рода – и окруженные хаосом конфликтующих норм и ценностей, эти индивиды оказываются без какого-либо авторитетного руководителя или наиндивидуального правила. В этих условиях они неминуемо становятся неустойчивыми и молятся на случайный личный опыт, мимолетные фантазии и конфликтующие чувственные импульсы. Как лишенную руля лодку, оказавшуюся в море, такого человека качает туда-сюда силою обстоятельств. У него нет стандарта, по которому можно понять, насколько последовательны его действия и к чему он стремится, он становится непоследовательным и неинтегрированным комплексом случайных идей, убеждений, эмоций и импульсов. Неизбежным следствием этого является рост дезинтеграции и дезорганизации. Ко всему этому необходимо добавить болезненный шок, который непрерывно разрушает его разум и нервную систему среди хаотичной и жестокой борьбы, сопровождающей переходный период. Мы хорошо знаем, что необходимой предпосылкой здорового и интегрированного ума является присутствие социальной стабильности и не вызывающих сомнения общепринятых норм. Когда они начинают разрушаться, за этим обычно следует возрастание нервных срывов, и оба эти явления продолжают прогрессировать. Нервные срывы являются еще одним аспектом разрушения социокультурного порядка» [2, с. 502]. Приводя такую обширную цитату из работы Питирима Сорокина, нет необходимости говорить, что все так и есть, более того, многое обстоит еще хуже. Чем, как не массовым стремлением к извращенным удовольствиям, можно объяснить движение ЛГБТ+? Но здесь необходимо перевести взгляд в русло критики Сорокина. Главный пафос его работы состоит в том, что, полемизируя со Шпенглером, утверждавшим неизбежность смерти культуры, П. Сорокин утверждает, что главной ошибкой Шпенглера является перенесение законов животного мира на общество [2, с. 432]. Культура не может, как человек или животное, проходить стадии детства, зрелости, старости и смерти. Но что же тогда есть три культуры Сорокина, как не стадии, которые, при известном воображении можно отождествить с детством, зрелостью и старостью, правда старостью мало приглядной, однако встречающейся. Чем не портрет Карамазова-отца? Но Сорокин утверждает, что чувственная культура не погибает, а трансформируется, поскольку в ней, как ранее в идеациональ-

ной, возрастают зерна новой, идеалистической культуры, так и в культуре чувственной прорастают корни новой, и эта культура – идеациональная. Приводя примеры разложения и гибели Рима и создания на его руинах культуры христианской Европы, он делает вывод, что I–III вв. н.э. были годами переходной эпохи, и античная культура и христианская культура по сути есть одна культура, однако претерпевшая серьезную трансформацию. Вряд ли с этим можно согласиться. Ведь смерть духовного феномена предполагает исчезновение не столько материального носителя, сколько именно духовного смысла. Скачок вовсе не предполагает разрушение объекта, его деструкцию. Он предполагает отрицание того качества, которое ранее давало право на дефиницию объекта как некоторой отличной от других определенности. Оплодотворенная другой идеей, прошлая культура умирает. История полна примеров обществ, которые, дойдя до стадии разложения чувственной культуры, исчезли с исторической арены. Достаточно вспомнить Вавилон. Рим в своем разложении ему не уступал. Недаром христиане сравнивали его с вавилонской блудницей. Но так как Рим захватил те провинции, в которых родилась новая религия и зрела новая культура, люди из этих провинций неизбежно оказались в столице, и людей этих было много, то до окончательной смерти старой культуры эти культуры и религии сосуществовали. Поскольку одна из функций религии – иллюзорно-компенсаторная, то христианство оказалось очень привлекательным и для носителей старой культуры, которые не имели никакой возможности реализовать свои чувственные притязания в силу того, что это не позволял им их социальный статус. Сорокин, полемизируя со Шпенглером, утверждал, что умирают люди, но не культуры, но в случае античной и христианской культур умерла античная культура, а ее прежние носители оказались носителями новой – христианской. Поэтому, соглашаясь с П. Сорокиным относительно причин кризиса современного западного общества, отметим справедливость его критики относительно первого диагноза (особенно, если вспомнить о том, как страны были разделены на «хорошие» и «плохие», так называемую «ось зла», а гигантские средства и усилия были потрачены на то, чтобы уничтожить лидеры, не принимающих навязываемых Западом условий игры в одни ворота.

Но П. Сорокин не учел того, что агрессивность разлагающейся чувственной культуры приведет не только к войнам, но к войнам цивилизационным [4]. Приводя примеры войн в истории, он указывает на те, которые велись в ареалах одной, или сходной культур. Войны между греками и персами – это войны между носителями сходной по фазе культуры. Войны же Александра Македонского (не с персами, а в его претензии на действительное мировое господство и покорение Индии) закончились ничем. Все европейские войны Нового времени велись между христианскими государствами. Когда же война выходила за пределы культурного ареала, она заканчивалась поражением культуры, в которой преобладал чувственный компонент (за исключением

XIX и XX в., но в этих случаях побеждали не носители культуры, а военная техника). Войны же XX в. – это войны между цивилизациями, культурами. Развязываются они, несомненно, Западом, в его стремлении получить все больше средств удовлетворения своих appetitов. Если источник необходимых Западу богатств не поддается культурному разложению и не готов, как абориген Полинезии, за зеркальце и огненную воду отдать свою землю, ему приходится обороняться всерьез. Собственно, современный кризис состоит в том, что весь мир, большая часть которого является носителем идеациональной (как исламские государства) или идеалистической (страны Юго-Восточной Азии) культуры не желает разлагаться вместе с западной чувственной культурой, хочет жить, реализовывая свои принципы и смыслы. В какой мере представители чувственной культуры, постигшие прелести постиндустриального общества и пользующиеся благами, которые представить себе не мог самый пресыщенный патриций, согласятся на равных сосуществовать с представителями культуры, для которой все это не только не является ценностью, но, напротив, есть проявление безобразия и зла – на этот вопрос вряд ли удастся кому-либо ответить. Тем более, что это просто невозможно экономически, такого потребления планета просто не выдержит.

Как это не печально, на наших глазах разворачивается новая цивилизационная война, в которой со всей очевидностью проявляется именно борьба цивилизаций, представляющих совершенно разные культурные смыслы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек / Ф. Фукуяма. – М. : АСТ, 2005. – 592 с.
2. Сорокин, П. Кризис нашего времени / П. Сорокин // Человек. Цивилизация. Общество. – М. : Политиздат, 1992. – С. 425–505.
3. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – М. : Мысль, 1993. – 663 с.
4. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон. – М. : АСТ, 2003. – 603 с.

Поступила в редакцию 05.04.2023